

О МЕНТОСКОПИРОВАНИИ И ИНЫХ АБСОЛЮТНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2019 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 19.06.2019 г

Аннотация. Институт доказательств в уголовном процессе возник давно, развивался непоследовательно и долгое время какой-либо научной базой обеспечен не был – все доказательства были либо чисто бытовыми, либо обосновывались результатами ордaliaj. К настоящему времени данный институт законодательно урегулирован, детально классифицирован и в своей основе имеет солидные разноотраслевые научные исследования. Вместе с тем в основном включая заключение судебных экспертиз, испытание полиграфом (детектором лжи), использование медикоментозных средств (“сыворотки правды”) и т.п., это – доказательства относительные. Общество же остро нуждается в том, чтобы уголовное правосудие основывалось на доказательствах абсолютных. Уже существуют научные методологии и технологии таких доказательств: дактилоскопия (ей более 100 лет) и анализ ДНК (ему около 40 лет). Пока этот метод дорог, и проведение данного анализа занимает продолжительное время). По мнению автора, третьим в этом ряду станет метод ментоскопирования, основанный на том, что вся получаемая человеком через его органы чувств информация находится в его памяти, и извлечь ее (что человек ранее видел и слышал – с точностью до секунды) – задача науки недалекого будущего; четвертым же в этом ряду видом абсолютных доказательств станет, по мнению автора, метод “снятия” информации состояния эмпатии человека; пятым – получение информации через геномную сущность человека от его предков.

Ключевые слова: уголовный процесс, относительные доказательства, абсолютные доказательства, дактилоскопия, анализ ДНК, ментоскопирование, эмпатия, наследственная геномная информация.

Цитирование: Клеандров М.И. О ментоскопировании и иных абсолютных доказательствах в уголовном процессе // Государство и право. 2019. № 9. С. 7–16.

DOI: 10.31857/S013207690006726-0

ON METOCOPRAMIDE AND OTHER ABSOLUTE EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEDURE

© 2019 М. И. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 19.06.2019

Abstract. The institute of evidence in the criminal procedure arose long ago, developed inconsistently and was not provided with any scientific basis for a long time – all the evidence was either purely domestic or substantiated by the results of the ordeal. Nowadays this institution is legally regulated, classified in detail, and is based on solid, multi-branch scientific research. However, mainly, including relative proof – conclusion of forensic examinations, polygraph test (polygraph detector), usage of “truth serums”, etc. Society, on the other hand, desperately needs criminal justice to be based on absolute proof. There are already scientific methodologies and technologies for such evidence – this is dactyloscopy (it is more than one hundred years old) and DNA analysis (it is about twenty years old, nowadays this method is more expensive and it takes a long time to make it). According to the author, the third in this row will become a mentoscopy method based on the fact that all the information received by a

person through his senses is in his memory, and extracting it (what a person has previously seen and heard – accurate to second) is the task of the nearest future science, the fourth in the row of the type of absolute proof, according to the author, will be the method of “removing” the information of the state of human empathy; the fifth will be the reception of the information from person’s ancestors through his genomic nature...

Key words: criminal procedure, relative proof, absolute proof, dactyloscopy, DNA analysis, mentoscopy, empathy, hereditary genomic information.

For citation: Kleandrov, M.I. (2019). On metocopramide and other absolute evidence in criminal process // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 7–16.

Академическая наука, в отличие от поисковой, а тем более прикладной, призвана вести исследования глубинных фундаментальных проблем бытия, закономерностей развития природы, общества, человека и человеческого мышления. Соответственно, ее основой служит научная методология, необходимая для решения именно фундаментальных проблем, а ее особенностями, в том числе и прежде всего – в ходе решения каждой отдельной фундаментальной проблемы – по мнению автора, является то, что сфера исследований здесь должна охватывать, с одной стороны, пространственное поле – международное и зарубежное, а с другой – поле темпоральное: прошлое, настоящее и будущее (именно так: из прошлого через настоящее в будущее). На будущем, как известно, «специализируется» наука футурология, не всеми, кстати, воспринимаемая как наука. Но в любом случае прямое экстраполирование сегодняшней проблемной фактуры на будущее, тем паче более-менее отдаленное, – не самый действенный способ сегодняшнего обнаружения тех или иных проблем будущего, тем более их решения. Он в целом пригоден в сферах технологий, экологии и ряда иных, но и то... Если элементарно взять за основу современные тенденции в узкой сфере и спроецировать их на будущее, даже не преувеличивая их масштаб и руководствуясь одной арифметикой, то получим футурологический прогноз: в Лондоне, если бы не изобрели автомобиль, слой конского навоза ежедневно достигал бы двухметровой высоты.

В социальной же сфере, в общественных науках ситуация ещё более сложна. Здесь общество будущего видится как пространство риска и нелинейного конструирования ожиданий, пространство политической борьбы и конструирования властных отношений с их влиянием на сценарии более отдаленного будущего.

На всё на это накладываются возможные образования так называемого «эффекта черного лебедя» – появление абсолютно непредсказуемого фактора, который до этого невозможно было в принципе предвидеть, но который способен довольно сильно развернуть вектор развития всего человечества. И наоборот: отчетливо видимый вектор развития тех или иных весьма значимых для всего человечества технологий почему-то вдруг сворачивается, например

сверхзвуковые пассажирские самолеты «Ту-144» и «Конкорд», появление в небе которых в 1970-х годах было повсеместно расценено как магистральный путь развития гражданской авиации, внезапно «приземлились», а основным самолетом, сегодня используемым в гражданской авиации, служит «Боинг-747», впервые поднявшийся в небо в 1969 г.

Научными исследованиями именно в этом неизвестном направлении и призвана заниматься академическая наука, используя как общенаучные, так и частнонаучные методы познания, открывая в ходе них все новые и новые горизонты, притом горизонты не только завтрашнего дня, но и послезавтрашнего, хотя выявить загоризонтную проблематику, тенденции развития тех или иных явлений отдаленного, тем более далекого, будущего, сформулировать цели таких исследований, как и препятствия, могущие встать на пути движения к этим целям, и способы их устранения или минимизации их последствий, явно не просто. Но ведь от результатов таких загоризонтных научных исследований вполне может зависеть как будущее отдельных общественно-экономических формаций, государств и их объединений, так и будущее всей человеческой цивилизации. Сказанное в полной мере относится и к общественным наукам, и к науке уголовного процесса, и в частности к такому ее важному институту, как доказательства в уголовном процессе.

А важность, высокая значимость данного института определяется тем, что судопроизводство по любому уголовному делу должно (что не подлежит никакому сомнению) завершаться вынесением максимально справедливого приговора (иного судебного акта). Сама же справедливость здесь в определяющей мере зависит от совокупного уровня и степени доказанности обвинения в данном деле. А эта доказательственность, в свою очередь, в значительной степени зависит от эффективности научных исследований, лежащих в основе полученных и оформленных доказательств по конкретному делу.

Таким образом можно сказать, что фундаментальная наука в сфере теоретических основ института доказательств в уголовном процессе – это комплекс решения настоящих и будущих проблем,

целью которых является получение новых теоретических знаний, обеспечивающих разработку новых высококачественных технологий в добывании и фиксировании доказательств, необходимых для вынесения судами максимально справедливых судебных актов.

Каковыми были в прошлом, какими являются в настоящее время и какими станут в будущем доказательства в уголовном процессе? И каковы научные начала у этого института в динамике?

В прошлом, в древности, да и в средневековые при проведении обычного в процедурах того времени следствия для установления виновного в совершении преступления и доказывания его вины широко, как и сегодня, использовались свидетельские показания (на Руси таких свидетелей называли «видок», «послух» и проч.), результаты обысков и т.д. Но, вместе с тем, широко использовались и так называемые «ордалии» («суд Божий», лат.– *Dei judicium*) – термин, как указывается в энциклопедической литературе, «используемый для обозначения архаичных приемов судебной практики, еще не ограниченной от религиозного ритуала. О. применялись при отсутствии неоспоримых доказательств, при сомнениях в правдивости свидетельских показаний и т.п. В этих случаях судьи отдавали истца и/или ответчика на “суд Божий” и подвергали различным (в т.ч. тяжким и жестоким) испытаниям, по результатам которых делали вывод об их виновности или невиновности и выносили приговор. Считалось, что всеведущий Бог (или боги) сам покарает виновного и обезопасит от телесных повреждений праведного»¹.

Какой-либо доказательственной силой результаты этих ордалий, если быть объективным, не обладали, равно как и отсутствовала какая-либо научная составляющая в методике этих испытаний. А если учесть, что и сами преступления, в совершении которых обвинялось немалое число граждан в те времена (в частности, в суде католической инквизиции), были – с позиции сегодняшнего дня – весьма странными (например, симпатичную девушку обвиняли в том, что она ведьма, иначе почему она красавая, либо мужчину обвиняли в том, что он «читит дьявола»), то сами ордалии как доказательства для подтверждения обвинения в совершении таких преступлений выглядят сегодня вдвойне бессмысленными. Впрочем, «каковы времена, таковы и нравы». Но весьма значимым является тот факт, что ордалии были широко распространены в различных государствах, да и «спектр» их применения был весьма разнообразен: в число ордалий входил и поединок

между потерпевшим и подозреваемым либо между их представителями. О каком научном подходе к результату такого поединка как доказательству по делу можно говорить?

Становясь более цивилизованным, человечество (не повсеместно) к концу XVIII – началу XIX в. постепенно отказалось от такого метода доказывания в уголовном процессе. В XIX в. появились помимо традиционных, бытовых видов доказательств и такие, в основе которых лежали отдельные, основанные на достижениях точных наук того времени элементы доказательств. В образной форме они показаны в художественной литературе XIX в., где их использовали сыщики – герои произведений: Шерлок Холмс в Великобритании, Нэт Пинкerton в США, Нил Кручинин в Российской Империи и т.д. А позже уже появился и метод судебных экспертиз, проводимых как государственными, так и частными экспертными учреждениями.

В настоящее время институт доказательств в уголовном процессе получил законодательное закрепление во всем мире. В Российской Федерации он закреплен в ст. 74 УПК РФ, где в ч. 1 под ними понимаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. А в ч. 2 этой же статьи перечислены допустимые доказательства. При этом очевидно, что такие доказательства, как заключения экспертов и показания специалистов, заведомо основаны на соответствующих научных достижениях.

Классификация доказательств по уголовному делу действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации не предусмотрена. В принципе она возможна по разным основаниям: по основанию отношения к доказываемому обстоятельству, по источнику формирования (равно по характеру связи между устанавливаемым обстоятельством и источником сведений), по отношению к предмету обвинения, по источнику получения и т.д. Соответственно, эти доказательства можно подразделить на прямые и косвенные, непосредственные и производные, обвинительные и оправдательные, личные, письменные и вещественные и проч.

Современное научно-правовое обеспечение института доказательств в уголовном процессе в нашей

¹ См.: Новая Российская энциклопедия: в 12 т. Т. 12 (1). М., 2003. С. 457.

стране в целом солидное: публикуются монографии², защищаются диссертации³...

Тем не менее сама организация судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации далека от совершенства. Одна история с судебно-медицинской экспертизой сбитого автомашиной шестилетнего ребенка, у которого в крови эксперт (даже заведующий отделением судебно-медицинской экспертизы г. Балашихи Московской области) обнаружил 2.7 промилле алкоголя (а от такого количества алкоголя взрослый человек впадет в кому), служит тому подтверждением. Такое экспертное заключение возбудило общество, особенно когда этот эксперт перед телекамерой рьяно доказывал свой высокий научно-экспертный профессионализм, исключающий возможность экспертной ошибки, и требовал привлечения родителей погибшего ребенка к уголовной ответственности за «спаивание сына». Почти два года потребовалось на опровержение этого экспертного заключения, огромных усилий следствия и суда, которые в итоге привели к осуждению этого эксперта.

Но возникает вопрос: в своем заключении по данному делу этот эксперт явно переусердствовал, однако если бы он «обнаружил» в крови ребенка совсем немного алкоголя, но достаточного для утверждения в его виновности в аварии? Общество ведь в этом случае не возбудилось бы (случаи реального спаивания детей родителями, к сожалению, что общеизвестно, встречаются), расследования в отношении неверности этого экспертного заключения скорее всего не проводилось бы, и несправедливость в данном случае восторжествовала бы... Подобные случаи подрывают доверие в обществе к судебно-экспертной деятельности и в целом к институту доказательств в уголовном процессе.

А сложившаяся в последние годы статистическая ситуация, когда уголовные дела расследуются и подсудимые осуждаются в подавляющем большинстве случаев по упрощенной процедуре, в особом порядке, при признании ими вины и согласии на это (в 2018 г. в России было всего осуждено более 680 тыс. чел., из них 480 тыс.— в особом порядке,

² См., напр.: Аверин Ю.А. Судебные доказательства (общетеоретическое исследование). Саратов, 2006; Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2004; Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005; Зотов Д.В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: теоретические проблемы. Воронеж, 2005; Прохоров Ю.Б. Доказательства в уголовном процессе (гносеологическая и правовая интерпретация). СПб., 2004; Щербаков С.В. Теория доказательств и доказывание: содержание и проблемы. М., Архангельск, 2007.

³ См., напр.: Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК РФ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005; Попова Н.А. Вещественные доказательства: собирание, представление и использование их в доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

включая обвиняемых в совершении тяжких преступлений), доверия в обществе к справедливому правосудию не прибавляет.

И наоборот — доверие общества к объективности в предварительном следствии и справедливости в уголовном правосудии сильно прибавило бы, если бы каждое, даже самое мелкое, преступление расследовалось, что называется, «по полной программе», с использованием всего соответствующего делу арсенала средств судебных экспертиз. Доказательственная сила каждому предъявляемому обвинению была бы намного убедительнее — ведь вера в науку в обществе не иссякла. А любая экспертиза основана на результатах исследований соответствующей отрасли науки: медицины, физики, химии, биологии...

Сегодня же, как известно, государственные экспертные учреждения не справляются с объемом работы (ведь эти исследования проводятся не юристами, а химиками, физиками, биологами, генетиками, баллистиками и пр., а в последнее время — и специалистами Интернет-технологий...). Стандартная почковедческая экспертиза по уголовному делу там может длиться до восьми месяцев, при этом в среднем по одному уголовному делу назначают более трех различных судебных экспертиз, подследственный же все это время нередко пребывает в СИЗО.

Поэтому, в частности, широкое распространение получили частные судебные эксперты, организовавшиеся в структуры коммерческого профиля. Министерство юстиции РФ отмечает, что по итогам 2018 г. более 70% полученных результатов повторных экспертиз не совпали с заключениями частных экспертов⁴. С очевидностью напрашивается необходимость введения для экспертов и специалистов уголовного наказания за заведомо ложное заключение или показание.

Правоприменительная практика побудила расширить — неофициально — классификацию видов доказательств в уголовном процессе. В адвокатской среде сегодня бытует термин «недопустимые доказательства», конкретные примеры которых — в ходе дознания и предварительного следствия (отсутствие понятых или несоответствие понятых требованиям закона, когда их участие является обязательным; производство следственного действия ненадлежащим субъектом; нарушение правил составления протоколов следственного действия, как и нарушение специальных правил, установленных УПК РФ для производства конкретного следственного действия, и т.д.)⁵.

⁴ См.: Выступление заместителя министра юстиции РФ Дениса Новака 5 апреля 2019 г. на парламентских слушаниях в Совете Федерации, где обсуждались вопросы совершенствования законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность в России.

⁵ См.: Денисов В. Ошибки как механизм правосудия. Об использовании следователями недопустимых доказательств // Адвокатская газ. 2019. № 10 (291). С. 8–10.

На этом фоне стремление Следственного комитета РФ обзавестись собственными экспертными учреждениями представляется вполне закономерным – ведь МВД РФ имеет в своем составе различные экспертные учреждения, прежде всего Экспертно-криминалистический центр; в составе ФСБ России находятся Институт криминастики Центра специальной техники, Управление информационных технологий Центра информационной безопасности, Пограничный научно-исследовательский центр, а также экспертные подразделения территориальных органов безопасности и т.д.⁶.

Можно полагать, что все проводимые в настоящее время экспертизы в том или ином сегменте узкой специализации базируются на научной основе. А расхождение между результатами первичной и повторной экспертиз (и, как следствие, различные доказательства по одному вопросу уголовного дела) – не всегда результат низкой квалификации эксперта, желание «подыграть» той или иной стороне процесса либо корыстная или иная заинтересованность эксперта. Часто эта разница обусловлена субъективными началами конкретного эксперта: если судебно-бухгалтерская экспертиза, основанная на цифровых показателях, дает экспертам мало возможностей для субъективного усмотрения и приводит обычно к одинаковым выводам у разных экспертов (правда, если только они – действительно специалисты в области бухгалтерской деятельности), то результаты литературоведческой экспертизы одного и того же текста у разных экспертов (даже если они – действительно специалисты в литературоведении) редко совпадут – слишком здесь индивидуально восприятие одного материала у разных людей. Многое здесь зависит от менталитета эксперта, который зачастую в своей основе имеет определенные идеологические установки.

В свое время в обществе большие надежды возлагались на такие способы получения достоверных доказательств в уголовном процессе, как использование полиграфа («детектора лжи» – принцип его действия основан на анализе работы вегетативной системы испытуемого – изменений частоты дыхания, сердцебиения, выделения пота и пр. при ответе на специально сконструированные вопросы: эти изменения напрямую зависят от правдивости или лживости ответов испытуемого на вопросы) и так называемой «сыворотки правды» (определенные психоактивные вещества, обеспечивающие расторможение конкретных сдерживающих центров мозга). Но по различным причинам сила таких способов доказывания в уголовном процессе сегодня невелика.

⁶ См.: Гавришев Алексей. Следственный комитет идет к полной самостоятельности // Независимая газ. 2019. 5 июня.

Однако все сказанное выше о доказательствах и доказывании в уголовном процессе – не самое главное. Главное же здесь и одновременно – главный недостаток рассматриваемого института заключается в том, что все эти доказательства – относительные. В научную классификацию доказательств в уголовном процессе следует, по нашему мнению, внести базовую дифференциацию, разделяющую эти доказательства на относительные и абсолютные.

И эта дифференциация доказательств именно в уголовном процессе представляется исключительно важной, особенно по уголовным делам, где ст. 59 УК РФ за совершение тяжкого преступления (по пяти составам) предусмотрена высшая мера ответственности – смертная казнь (хотя в отношении этой меры ответственности действует мораторий).

Общеизвестно, что в нашем обществе за смертную казнь, если бы был проведен референдум, проголосовали бы 70% дееспособного населения, но при наличии двух условий: 1) преступление должно быть тягчайшим, например изнасилование и убийство ребенка педофилом (не говоря уже о случаях серийных убийств этого типа); 2) доказана вина в этом конкретного преступника. Вот в плане доказательств здесь и заканчивается – старшее поколение граждан нашей страны хорошо помнит ситуацию с серийным убийцей Чикатило.

Этот персонаж в 80-е годы прошлого века совершил в Ростовской области серию убийств, причем в течение длительного времени, умеючи скрываясь от обнаружения оперативно-следственными органами. За этот срок были последовательно «найдены» несколько граждан, которых обвинили в данных преступлениях, вина которых (каждого по отдельности) была доказана. А в отношении двух из них сейчас можно проследить цепочку событий: обнаружили – доказали – осудили – расстреляли. При этом после каждого «обнаружения» преступника и его нейтрализации серия однотипных преступлений там продолжалась. Наверняка самоощущение судей, осудивших людей за совершение преступлений, которые, как потом было установлено, совершал Чикатило, было не радостным...

И вообще самоощущение судей, вынужденных брать на себя бремя вынесения приговоров при наличии относительных доказательств вины осужденных по рассмотренным ими делам – тема отдельных научных исследований, это – глубокая научно-практическая проблема. У судей, которые ведут уголовный процесс с участием присяжных заседателей (а для судей это обычно серьезнейшая стрессовая и физическая нагрузка, да и сами эти процессы при наличии нескольких подсудимых и обвинений по нескольким эпизодам делятся долго), есть один положительный, даже вдохновляющий судью момент: вынесение

вердикта – «доказано/не доказано» – возлагается не на судью, а на присяжных заседателей.

И не случайно в США, где в ряде штатов в шкале наказаний за тяжкие преступления присутствует смертная казнь, такие приговоры приводятся в исполнение далеко не сразу после их вынесения и «засиливания» всеми возможными вышестоящими судебными инстанциями. Да и выносятся смертные приговоры там не столь уж часто; во всяком случае в 2018 г. в США были казнены 25 человек. Наверняка и само вынесение малого числа смертных приговоров в США (и других государствах, где они узаконены), и длительная отсрочка приведения их в исполнение обусловлены неуверенностью в том, что именно этот подсудимый совершил инкриминируемое ему преступление, т.е. нет абсолютной в этом уверенности, ибо доказательства здесь – относительные.

А есть ли (либо могут ли) доказательства в уголовном процессе быть абсолютными? Достиг ли научно-технический прогресс в своем поступательном движении того уровня, чтобы методика получения доказательств в том или ином сегменте гарантировала бы: это конкретное доказательство является абсолютным, неопровергимым даже при проведении повторных и последующих судебных экспертиз?

Есть! И появление такой методики получения абсолютных доказательств наверняка можно назвать первой революцией (ни больше ни меньше!) в уголовном процессе. Речь идет о дактилоскопии – методике идентификации человека по отпечаткам (капиллярным узорам) пальцев. Научная основа этой методики определяется тем, что отпечатки у каждого отдельного человека неповторимы в течение всей его жизни. Сама данная методика появилась более 100 лет назад⁷. Ее инструментарий был еще несколько десятилетий назад сложным и продолжительным. Постепенно он совершенствовался, и сегодня сличение отпечатков пальцев, обнаруженных и зафиксированных на месте (орудии и пр.) преступления, с отпечатками пальцев подозреваемого в совершении данного преступления осуществляется с помощью электронники чуть ли не мгновенно. Кстати, есть здесь и побочный положительный эффект – идентификация личности человека по отпечаткам его пальцев широко используется при прохождении паспортного контроля, для опознания жертв природных и техногенных катастроф и т.д.

Вместе с тем спектр возможностей использования дактилоскопии в криминалистике и более широко в уголовном процессе весьма узок. Эта методика лишь доказывает (правда – абсолютно), что конкретный человек своими пальцами соприкасался с определенным предметом. При этом предмет

должен обладать способностью сохранять (и не навечно!) потожевые следы пальцев человека, а для этого не всякий предмет подходит. Но главное ограничение – оно больше, чем названный факт соприкосновения, ничего не доказывает. Строго говоря, даже если отпечатки пальцев конкретного подозреваемого зафиксированы на рукоятке ножа, которым был убит потерпевший, это – не абсолютное доказательство, что именно подозреваемый данным ножом совершил убийство. Вариантов, исключающих такое, может быть немало. Однако то, что подозреваемый прикасался к этому ножу, доказано абсолютно. А то обстоятельство, что в последнее время научились подделывать отпечатки пальцев человека, абсолютную доказательственность методики дактилоскопирования не понижает.

Вторая же революция в рассматриваемом здесь векторе образовалась значительно позже, и она однопланова с первой. Речь идет об исследованиях ДНК, составлении генома человека, его генетического профиля, а это – еще более точная и полная идентификация человека по сравнению с методикой дактилоскопирования. Иногда ее так и называют: «генетическая дактилоскопия». Открыта же методика геномной идентификации личности была в 1984 г., когда было установлено: цепочки ДНК разных людей имеют уникальные последовательности нуклеотидов. Последовательность ДНК конкретного человека составляет его уникальный ДНК-профиль, или «генетический паспорт». Современные технологии ДНК-анализа обеспечивают идентификацию донора ДНК по малейшим следам его органики: крови, слюны, мочи, спермы, чешуйке кожи, волоса и проч. Все эти следы органики уникальны для каждого человека, и при этом в течение его жизни не изменяются. Вообще на сегодняшний день от всех иных методов идентификации человека ДНК-идентификация, равно как и дактилоскопия, обладает абсолютной доказательственной силой

Речь здесь не идет об установлении на основе анализов ДНК степени родства и/или установлении отцовства, что само по себе важно, а об экспертизе на этой основе следов преступления как доказательств по уголовным делам. Ведь даже если преступник стер свои отпечатки пальцев на ноже (ион орудии преступления), на нем все равно могут остаться – с высокой долей вероятности – следы биологического материала, достаточного для ДНК-идентификации.

Пока организация проведения ДНК-экспертизы долгая и дорога, но уже принесла немало пользы. Так, несколько лет назад в США были освобождены из мест заключения десятки осужденных за изнасилования, которых, как показал анализ ДНК (ведь в уголовных делах тампоны с соответствующими следами сохранились), они не совершали. Недавно в США был освобожден калифорнийец Крейг Коли,

⁷ См. подр.: Бастрыкин А.И. История криминалистики. Начало пути. Дактилоскопия. М., 2017.

отсидевший 39 лет за убийство, приговоренный к пожизненному заключению. Выяснилось, что в отобраных на месте совершения преступления биологических образцах содержится ДНК, но не К. Коли, а другого человека.

В нашей стране по этой методике были, в частности, раскрыты преступления прошлых лет, а преступники осуждены: в Мурманской области – за убийство местного жителя трехлетней давности, в Калужской области – за убийство пожилой женщины восьмилетней давности и т.д.⁸.

Нет сомнений в том, что совершенствование методики анализа ДНК в сегменте его доказательств и доказывания в уголовном процессе вскоре станет быстрым и дешевым. Но уже сейчас это доказательство – абсолютное, и спектр его использования намного шире, чем дактилоскопическая экспертиза. Правда, и он ограничен – он способен лишь доказать, хотя и абсолютно, что конкретный человек в конкретном месте оставил свои биологические следы. И не больше.

Будущее. Можно ли посчитать, что этими двумя вышеназванными революциями в области абсолютных доказательств в уголовном процессе неумолимая поступь научно-технического прогресса ограничится? Категорически – нет. Можно сказать, что к настоящему времени у человечества возникла необходимость разработки нового, комплексного, теоретически обоснованного и эмпирически апробированного учения о мозговой деятельности человека, о его памяти и пр. (с учетом учения академика В.И. Вернадского о ноосфере земли, где – в теории – может присутствовать память всех людей Земли, в том числе умерших)⁹.

В обозримом будущем (по мнению автора, в течение ближайших двух десятилетий) наступит время третьей революции – в рассматриваемом здесь векторе. Это будет метод ментоскопирования (от лат. *mens* – ум, образ мыслей) либо, как вариант, метод вериметрии (от лат. *veritas* – истина). В основе этого метода лежит факт из области физики мозга: информация, получаемая всеми органами чувств каждого человека через его зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, ощущение гравитации и пр., проникает в его мозг и там сохраняется, не исключено: навсегда и в полном объеме.

В настоящее время (в этом нет сомнений!) нейрофизиологи пытаются разобраться в механизмах работы памяти, исследуют процессы ее восприятия, запоминания и воспроизведения, т.е. воспоминания. Наверняка многое в этом плане делается в «закрытых»

⁸ См. подр.: Козлова Н. По невидимым следам // Росс. газ. 2019. 26 февр.

⁹ См. подр.: Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна, 1997.

лабораториях (причем во многих государствах), слишком огромные перспективы в случае успеха этих НИР просматриваются – и во многих сферах.

Вообще, как известно, человек нередко вспоминает (да еще в мельчайших деталях) то или иное событие своего далекого (или недавнего) прошлого. Такое происходит непроизвольно и в обычном состоянии, например во сне и в стрессовых ситуациях. Известно, что самое сложное образование во Вселенной (из известных сегодня человечеству) – мозг человека. Известно также состояние гипертимезии (в частности американской писательницы Джилл Прайс), когда человек помнит в мельчайших подробностях всю свою жизнь, а защитный механизм мозга, который у других людей вытесняет из памяти негативные эмоции и воспоминания, в этих случаях просто не работает.

По мнению Дж. Лилли (род. 6.01.1915 г. в г. Сент-Пол, штат Миннесота, США), автора теории живого мозга как природного биокомпьютера, мозг человека обладает совокупностью программ, сформировавшихся в процессе эволюции и в процессе жизни каждого конкретного человека. Дж. Лилли считал, что в своем жизненном цикле человек может утрачивать, развивать и совершенствовать свои метапрограммы, обмениваться ими с другими людьми и живыми существами. Он все метапрограммы условно подразделил на метапрограммы внешней реальности, памяти, автономные программы нервной системы, программы поддержания тела, семьи, любви и воспроизведения потомства.

Воспоминания человека по конкретному вопросу – весьма относительное доказательство в уголовном процессе. Иногда, правда, они приобретают значимую доказательственную силу, например когда подозреваемый «вспоминает» место «ухоронки» краденного имущества или закопанного трупа убитого в его присутствии или с его участием человека.

Но ведь нередко подозреваемый, свидетель, а то и потерпевший по уголовному делу действительно не помнят тех или иных важных событий или их отдельных элементов. Разработаны и применяются различные методы и способы побудить человека вспомнить то, что необходимо следствию (суду): медикаментозные средства, гипнотическое воздействие, электростимуляция определенных долей головного мозга, причем без вскрытия черепной коробки и даже не выбивая отдельных участков головы – для лучшего соприкосновения головы испытуемого с присосками электродов, и др.

В принципе задача отчетливая: в мозгу (а где еще?) конкретного человека есть информация о нужных следствию (суду) конкретных событиях, и нужно просто ее «вытащить» из памяти – в тех

ситуациях, когда сам человек не может (или не хочет) ее вспомнить (или о ней рассказать). При этом не вся информация о конкретном событии, хранящаяся у этого человека, полученная им через все свои органы чувств, необходима следствию (суду) – достаточно поступившей через органы зрения (а это – около 92% всей получаемой человеком совокупной информации) и через органы слуха (около 6%) воспринятой человеком информации о данном событии.

Обеспечивать «вытаскивание» этой информации в недалеком будущем, по мнению автора этих строк, будет специальный механизм, может быть, прибор, состоящий из основной «коробки» с дисплеем и шлема, одеваемого на голову испытуемого. Это и будет третья по счету революция в сфере абсолютных доказательств в уголовном процессе. По сути, ментоскопирование – это способ считывания информации непосредственно из памяти человека и его аудиовизуальная расшифровка.

Вот как данный процесс будет выглядеть в воображении автора этих строк и в предельно схематичном виде.

Установлено и никем не оспаривается: в городском парке вечером обнаружен лежащий на земле мужчина со смертельной раной в груди от холодного оружия, а рядом – наклонившийся над трупом молодой человек с поднятой вверх рукой, в которой сжат окровавленный нож. Эту картину засвидетельствовала группа людей, которая проходила неподалеку и, услышав крики о помощи, прибежала к месту происшествия. Люди из этой группы перехватили руку данного человека и его самого «зафиксировали».

В судебном заседании (либо раньше – в ходе предварительного следствия, равно – в ходе дознания либо еще раньше – по приезду оперативников, следователей и иных должностных лиц к месту происшествия непосредственно после получения сигнала о происшествии – все это условно...) сторона обвинения утверждает: задержанный с ножом и убил этим ножом гражданина, нанес один смертельный удар ему в грудь и занес руку с ножом для нанесения повторного удара, но в этот момент был «зафиксирован» подбежавшими на крик людьми, буквально схвачен за руку, в которой был окровавленный нож.

В свою очередь, сторона защиты (и сам задержанный) поясняют: шел себе человек по дорожке парка, услышал крики о помощи, подбежал к лежащему на спине мужчине, в груди которого торчал нож, а поскольку лежащий мужчина еще хрюпал и дергался, то, чтобы облегчить ему страдания и спасти его, рефлексивно с силой выдернул нож из груди лежащего, и именно в этот момент подбежала группа людей и его «зафиксировала».

Ситуация с точки зрения наличия/отсутствия доказательств убийства данным ножом человека конкретным задержанным близка к патовой: прямых (и даже косвенных) доказательств здесь нет, видеокамеры в этом месте отсутствуют, высотные дома, из окон (балконов) которых кто-либо мог бы наблюдать происходящее, также отсутствуют, случайные прохожие там в то время также не проходили и т.д. А информация о личностях покойника и задержанного, причинах их нахождения «в это время, в этом месте» и т.п. – дело вторичное.

И вот в такой ситуации «на сцене» появляется упомянутый механизм (прибор) – ментоскоп (ментоскан, верископ...), и с соблюдением всех необходимых формальностей специалисты надевают шлем на голову задержанного, уточняют – до минуты – время происшествия, включают механизм (прибор), настраивают его на конкретный момент происшествия, и на дисплее идет видеоряд, а именно то, что видел и слушал в конкретный отрезок времени задержанный:

— первый вариант (естественно, воспринимаемое глазами и ушами задержанного): видны его шагающие ноги и кисти рук, которыми он размахивает при ходьбе, в звуковом диапазоне – обычный фон с пением птиц и отдаленным рокотом движущихся машин; но вдруг внезапно стали слышны крики о помощи, после чего видны ускоряющиеся, переходящие в бег ноги, слышно шумное дыхание бегущего; далее виден лежащий на земле человек, из груди которого торчит нож, видна кровь на груди и рядом на земле, слышен хрип лежащего..., а далее видна рука прибежавшего, с силой вытаскивающая нож из груди лежащего, а поскольку эта рука вытаскивала нож, глубоко засевший в груди умирающего, она – с ножом, – естественно, оказалась вскинутой вверх, и в этот момент подбежавшие люди эту руку и самого человека «зафиксировали»...;

— второй вариант (также, естественно, воспринимаемое глазами и ушами задержанного): видны ноги и руки бегущего задержанного, догоняющего впереди бегущего человека, слышен их диалог: «Отдай деньги, гад» – «не отдам, они на молоко моим детям» – «отдай по-хорошему, мне опохмелиться нужно» – «не отдам» – «ах ты, гад такой, получай», и затем видно, как одна рука задержанного, догнавшего убегающего, резко разворачивает того к себе лицом, а вторая рука, в которой виден нож, ударяет убегавшего с напряжением ножом в грудь, а потом, когда убегавший падает на землю лицом вверх и с ножом, глубоко засевшим в груди, с силой вытаскивает нож и замахивается снова, но в этот момент подбегают люди, «зафиксировавшие» задержанного.

Картина предельно очевидна, а доказательства действий задержанного как по первому, так и по второму варианту столь убедительны, что, являясь

абсолютными, они сами по себе не нуждаются в каких-либо других прямых, косвенных и иных относительных доказательствах, за исключением, может быть, информации, характеризующей личности убитого и убийцы, и т.п.

Само собой разумеется, необходимы будут страховочные организационно-правовые механизмы, исключающие возможность нарушений прав человека использованием ментоскопа: особый режим его хранения, особые основания, формы и процедуры его применения (вплоть до включения в состав комиссии, присутствие которой во всей процедуре применения ментоскопа будет обязательной, лиц, которым наше общество больше всего доверяет,— служителей культа, военнослужащих, прошедших «горячие точки», членов общественных палат...), исключение возможности причинения вреда испытуемым в процессе проведения ментоскопирования и проч.

Эта методика с очевидностью пригодится не только в процессах по уголовным делам, но и после легализации и законодательного закрепления так называемого «уголовного проступка», а также — не исключено — и при рассмотрении дел об административных правонарушениях отдельных составов. Ведь сам процесс доказывания здесь будет предельно краток по времени, не потребует больших сил и средств, а главное — он будет, безусловно, базироваться на абсолютном доказательстве.

Но и на третьей революции в сфере абсолютных доказательств в уголовном процессе научно-технический прогресс, безусловно, не остановится.

Вслед за третьей, очерченной здесь революцией в институте абсолютных доказательств в уголовном процессе с неизбежностью (правда, через неопределенный промежуток времени) наступит время четвертой. Пока ее суть просматривается смутно: очевидно, что речь пойдет о снятии информации состояния эмпатии у человека. В современной философии и психологии эмпатия понимается как «целостное восприятие, проникновение, сопереживание или вживание во внутренний мир другого человека, в котором сохраняются и принимаются все эмоциональные и интеллектуальные нюансы душевной жизни другого... В философии Дильтея... понимание собственной жизни происходит путем интроспекции, а чужой — посредством эмпатии»¹⁰.

В данном случае «вживание» во внутренний мир другого человека, понимание другого человека будет осуществлять прибор следующего за ментоскопом поколения, который сможет убедительно подтвердить: этот другой человек по своей сущности не способен (или, наоборот, не только способен, но и внутренне предрасположен) совершить

¹⁰ Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. М., 2005. С. 697.

определенные, в том числе преступные, действия, заниматься определенной, в том числе преступной, деятельностью и пр. Это уже иной уровень доказательств в уголовном процессе; впрочем, он наверняка хорошо себя проявит в кадровом формировании государственных органов и в других сферах.

Определенные результативные проблески НИР в этой сфере просматриваются уже сейчас: Президент РАН А.М. Сергеев, выступая в начале июня 2019 г. на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме, рассказал, что учёные РАН совместно с коллегами из Военно-медицинской академии разрабатывают «генетический паспорт военнослужащего». А это позволит найти такие генетические предрасположенности у военнослужащих, которые позволят их правильно сориентировать по военным специальностям. Предлагается также не только оценка физиологических особенностей человека, но и прогнозирование его поведения в стрессовых, критических ситуациях.

Естественно, вслед за указанной четвертой революцией абсолютных доказательств в уголовном процессе наступит очередь пятой. Здесь речь пойдет о наследовании геномной сущности человека и хранящейся в ней наследственной информации. Если по наследству зачастую передаются те или иные внешние признаки человека, его характер и т.д., то, значит, по наследству передается и заложенная в генах определенная информация, полученная человеком при его жизни через его органы чувств. Правда, «вытащить» эту информацию у ее «наследодателя», тем более через несколько поколений «наследников» и «наследодателей», будет несопоставимо сложнее, чем посредством ментоскопа в период означенной выше третьей революции рассматриваемого института. Зато мы сможем узнать: убивал ли Иван Грозный своего сына, и многое иное интересное. Правда, какой-нибудь полинезиец, будучи уверенным в том, что в нем нет ничего английского, сможет узнать, что один из его прямых предков участвовал в трапезе по поеданию капитана Кука, а значит и в нем, через этого его предка, есть всё-таки кое-что английское.

Само по себе узнать, чей предок участвовал в названной трапезе — интересно (это ведь просто пример линейки научного познания в рассматриваемом векторе). Однако еще В.С. Высоцкий, как известно, задался вопросом: «Зачем аборигены съели Кука? Молчит наука». Но ведь это только пока молчит. Ответ на вопрос: зачем? — будет получен на этапе шестой революции, нужно будет лишь отыскать этого пресловутого полинезийца, чей далекий предок...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверин Ю.А.* Судебные доказательства (общетеоретическое исследование). Саратов, 2006.
2. *Агутин А.В.* Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2004.
3. *Балакшин В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК РФ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
4. *Бастрыкин А.И.* История криминалистики. Начало пути. Дактилоскопия. М., 2017.
5. *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.
6. *Вернадский В.И.* О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна, 1997.
7. *Гавришев Алексей.* Следственный комитет идет к полной самостоятельности // Независимая газ. 2019. 5 июня.
8. *Денисов В.* Ошибки как механизм правосудия. Об использовании следователями недопустимых доказательств // Адвокатская газ. 2019. № 10 (291). С. 8–10.
9. *Зотов Д.В.* Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: теоретические проблемы. Воронеж, 2005.
10. *Козлова Н.* По невидимым следам // Росс. газ. 2019. 26 февр.
11. Новая Российская энциклопедия: в 12 т. Т. 12 (1). М., 2003. С. 457.
12. *Попова Н.А.* Вещественные доказательства: собирание, представление и использование их в доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
13. *Прохоров Ю.Б.* Доказательства в уголовном процессе (гносеологическая и правовая интерпретация). СПб., 2004.
14. Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. М., 2005. С. 697.
15. *Щербаков С.В.* Теория доказательств и доказывание: содержание и проблемы. М., Архангельск, 2007.

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
 член-корреспондент РАН, доктор юридических
 наук, профессор, главный научный сотрудник
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

REFERENCES

1. *Averin Yu. A.* Forensic evidence (theoretical study). Saratov, 2006 (in Russ.).
2. *Agutin A.V.* Philosophical ideas in the criminal procedural proving. M., 2004 (in Russ.).
3. *Balakshin V.S.* Evidence in the theory and practice of criminal procedural evidence (the most important problems in the light of the criminal procedure code): abstract. dis. ... Doctor of Law'. Ekaterinburg, 2005 (in Russ.).
4. *Bastrykin A.I.* History of criminology. The beginning of path. Dactyloscopy. M., 2017 (in Russ.).
5. *Belkin A.R.* Theory of evidence in criminal proceedings. M., 2005 (in Russ.).
6. *Vernadsky V.I.* About science. Vol. 1. Scientific knowledge. Scientific creativity. Scientific thought. Dubna, 1997 (in Russ.).
7. Gavrishev Alexey. The investigative Committee goes to full independence / Independent newspaper. 2019. June 5 (in Russ.).
8. *Denisov V.* Errors as a mechanism of justice. On the use by investigators of inadmissible evidence // Lawyer's newspaper. 2019. No. 10 (291). P. 8–10 (in Russ.).
9. *Zotov D.V.* Criminal procedural proof and scientific and technical achievements: theoretical problems. Voronezh, 2005 (in Russ.).
10. *Kozlova N.* Invisible traces // Ross. newspaper. 2019. 26 Feb (in Russ.).
11. New Russian encyclopedia: in 12 vols. Vol. 12 (1). M., 2003. P. 457 (in Russ.).
12. *Popova N.A.* Material evidence: collection, presentation and use in proof: abstract. dis. ... PhD in Law. Saratov, 2007 (in Russ.).
13. *Prokhorov Yu. B.* Evidence in criminal proceedings (epistemological and legal interpretation). SPb., 2004 (in Russ.).
14. Dictionary of philosophical terms / scientific. ed. M., 2005. P. 697 (in Russ.).
15. *Shcherbakov S.V.* Theory of evidence and proof: content and problems. M., Arkhangelsk, 2007 (in Russ.).

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
 Corresponding Member of RAS, Doctor of Law,
 Professor, chief researcher of the Institute of State
 and Law of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russia